

"Подросли новые люди, для которых любовь к истине и честность стремлений уже не в диковину. Те понятия к стремления, которые прежде давали титул передового человека" теперь уже считаются первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности... Теперь с невольным презрительным изумлением останавливаются перед человеком, который высказывает недостаток сочувствия к гласности, бескорыстию, эмансипации и т.п."

Так характеризован Н.А. Добролюбов ту аудиторию, к которой обращался со своими критическими статьями: он имел перед собой "новое", "молодое" "интеллигентное общество, необыкновенно многочисленное, одушевленное самыми благими стремлениями.

Но он не обольщался "внешним" видом своей аудитории. На "молодое" интеллигентное общество он смотрел сквозь призму трезвого скептицизма. Он находил, что над молодым поколением интеллигентов продолжала сохранять большую власть патриархальная старина, что значительное большинство "новых людей" продолжало подчиняться различным "старым" настроением, старым чувствам, старым привычкам.

"Старина" сильно смущала их, а в то же время жизнь настоятельнее "предъявляла" к ним свои права, чем к людям прежних поколений. И они не могли "ничему отдаться всей силой души". Это были "люди промежуточного времени".

Прогрессивные идеи большинство из "новых" людей усвоило себе не так, как усваивались эти идеи одинокими героями и подвижниками мысли прежних времен. Новые люди "с детства, непременно и постоянно, напивались теми понятиями и стремлениями, для которых прежде лучшие люди должны были бороться, сомневаться и страдать в зрелом возрасте". Одним словом "новые" люди не завоевали своих убеждений "с бою": они приобрели их полусознательным, полумеханическим путем, они поклонились идеям, как святыне, завещанной прошлым.

И потому их "благие" порывы, их прогрессивные стремления носили слишком "отвлеченный", слишком платонический характер.

"Новое" общество, таким образом, в глазах Н.А. Добролюбова представляло из себя вообще малоутешительную картину.

Но среди общей массы инертных, "слабых духом", "обезличенных" интеллигентов вырисовывался образ человека, обещающего олицетворить собой идеального человека.

Этот образ вырисовывался не вполне законченно. Н.А. Добролюбов дополнил неудавшиеся ему в действительности черты, вложил в его душевный мир свое содержание и провозгласил учение о настоящем новом человеке-интеллигенте "реалисте".

Интеллигент-"реалист" (или как он называл "реальный человек")* в противоположность "слабым" интеллигентам - носитель душевной силы. В противоположность деятельным интеллигентам он - человек активной анергии. Он действует не во имя извне навязанных "принципов", а повинаясь исключительно голосу "естественного влечения натуры". Внутреннее убеждение - вот высшая для него санкция морали. Истинный человек творит добро не потому, что он должен следовать правилам установленной морали, а потому, что "делание добра" является потребностью его природы.

* См. "Сочинения Н.А. Добролюбова", т. II, стр. 392.

У нас очень часто превозносят добродетельного человека тем восторженнее, чем более он принуждает себя к добродетели. Исполняющие предписание долга, только потому, что это предписано, а не потому, чтобы чувствовали любовь к добру, такие люди не совсем достойны пламенных восхвалений. Эти люди жалки сами по себе. Их чувства постоянно представляют им счастье не в исполнении долга, а в его нарушении, но они жертвуют своим благом, как они его понимают, отвлеченному принципу, который принимают без внутреннего, сердечного участия. В нравственном отношении они стоят на очень низкой степени.

В делании добра, в любви к общему благу интеллигент-"реалист" исходит из разумного эгоизма. "Все люди во все времена, во всех народах искали и ищут собственного блага, оно есть неизбежный и единственный стимул каждого свободного действия человеческого".

Вся разница заключается в том, как понимать то благо, в чем видят удовлетворение своего эгоизма.